

МАЛАЯ РОДИНА В ЗЕРКАЛЕ «WRITE HISTORY»: СЛУЧАЙ ЗИНАИДЫ СЕРГЕЙЧИК

В статье рассматривается явление нового времени, пример «real write history», письменно зафиксированной истории одного рода в связи с историей родного края в реалиях XX–XXI вв.

Случай Зинаиды Сергейчик, автора книги «Жизнь продолжается» [1], польшучки, уроженки Пружанщины, учительницы русского языка и литературы в школе д. Салово Дрогичинского района, которую она считает своей второй родиной, по-своему типичен и по-своему уникален. В контексте нашего времени Зинаида Георгиевна – яркий представитель течения, получившего определение «пишущий народ». Выделяются две ветви этого «народа»: одна связана с интернет-продукцией и уже имеет собственную историю изучения, другая, к которой принадлежит З.Г. Сергейчик, – с книгами грамотных, образованных, патриотически настроенных местных авторов, увидевших свою миссию в том, чтобы по-своему рассказать локальную историю родного края. Их книги не привычные краеведческие работы, а скорей «географическая антропология». Антропологический ракурс темы малой родины – отличительная особенность книги З.Г. Сергейчик, в которой судьба представителей трех родов – Вашкевичей, Жука и Сергейчика – подается не на фоне истории, а в контексте исторической и личной правды, переплетенных настолько, что их трудно отделить.

История рода складывается из историй семей родственников – прадедов, дедов, родителей, детей, внуков... Психологи утверждают, что семейная история во

многим определяет жизненный выбор человека, его отношение к миру, ведь основные ценности, стереотипы поведения в различных жизненных ситуациях, эмоциональные процессы и реакции на происходящее вокруг передаются из поколения в поколение прежде всего по семейным каналам. Но семейная история – это не только семейные ценности, обычаи и даже мифы, сближающие членов семьи, определяющие ее границы, но и «время и эпоха, которые закладывали идеи о том, как надо “правильно” жить и выживать» [2]. Чтобы увидеть преломление реалий времени в судьбах героев книги «Жизнь продолжается», стоит присмотреться к личности ее автора.

Ш. Сент-Бёв, основоположник биографического направления в литературоведении, не зря призывал исследователей к поиску одного главного звена в жизни писателя, являющегося ключом к пониманию его произведений. Таким главным звеном в жизни З.Г. Сергейчик стало становление ее как личности советского времени. Для таких личностей из полесской глубинки кажется вполне естественным получить нормальное школьное образование, иметь возможность продолжить его, поступить в вуз, вернуться в родные места, там устроить семейную жизнь, зная, что и для детей дорога к образованию не будет закрыта. Глава «Я, Зинаида Сергейчик (Вашкевич)» показательна тем, что автор, причем совершенно бессознательно, ненамеренно, ненарочно, через себя, свою судьбу представляет человека нового типа – как его называли, советского. В личности Зинаиды Георгиевны сфокусировалось то лучшее, что шло от советского строя, что давала советская власть, советская идеология, через которую идея воспитания любви к родине проходила красной нитью. Для Зинаиды Георгиевны ее учительство было не работой, приносящей доход, а высоким служением молодому поколению полешуков, их воспитанию, в том числе через фольклор, в любви к родному краю, к своим корням, к народной жизни и культуре. Вот почему она с энтузиазмом помогает Диме Устиянчику в рамках конкурса «Мой родовод» подготовить описание его рода. Вот почему она в течение двадцати лет изучала историю своего рода, Вашкевичей, и рода мужа, Василия Сергейчика, с которым прожила в счастливом браке более пятидесяти лет.

Зинаида Георгиевна не берет на себя роль судьи советской истории. Она фиксирует позитивные изменения в жизни полесской деревни через судьбы людей и домов, через правду личной жизни и напрочь отказывается представлять своих родных, знакомых, близких, земляков как бездумных «совков». Для нее важно показать их движение к свету образования, созданию полноценной семьи, к сохранению лучших народных традиций в отношениях между старшими и младшими, к участию в жизни страны, к приносящей удовлетворение работе, которая высоко оценивается обществом и государством.

Историю рода З.Г. Сергейчик составила по своим записям и воспоминаниям родственников. На первый взгляд, это собранные вместе и хронологически выстроенные мемораты, которые можно отнести к устным рассказам-воспоминаниям, собиранием и изучением которых занимаются фольклористы. Вот, например, одно из детских воспоминаний автора, относящееся к военному времени: *«Помню, мы были у тети Оли. Прибегает сосед Федя Солод и говорит, что идут немецкие тан-*

ки. Все решили быстро убежать в болото. Тетя Оля с нами не побежала, потому что у невестки Галины Григорьевны Рабчевской начались роды. На болоте, где мы остановились, уже было много людей из других деревень. Нашли мы и тетю Марию, жену дяди Филиппа. Меня удивило, что ночью мама с тетей сидели, прижавшись друг к другу спинами. Почему они так сидели? Только после я догадалась, что так они согревали одна другую. Ведь всем, что они сумели принести с собой, они укрывали нас, детей.

А утром слышим: наши идут! Все побежали из болота на дорогу. По ней и правда шли танки, машины. Солдаты махали нам руками. Мы их тоже приветствовали. Все радовались. Так пришло освобождение» [1, с. 33–34].

Такого рода рассказы представляют собой своеобразные свидетельства о самых разных событиях прошлого, от бытовых до исторических, произошедших с рассказчиком, его близкими, знакомыми, или сведения, полученные от людей, которым рассказчик доверяет, и являются основным материалом для целой области знаний, под общим названием «устная история». Появившись во второй половине XX века в США как научно-общественное движение, «oral history» приобрело много последователей среди ученых всего мира. Как отмечают специалисты, главное достоинство устных рассказов-воспоминаний в их субъективности. Только таким образом, через свидетельства простых людей, можно узнать, как они осмыслили свою историю, как ощущали себя в историческом времени и повседневной жизни, на какие идеалы ориентировались, принимали или не принимали государственную трактовку исторических, политических, экономических событий, как понимали счастье, совесть, веру. И все это лично, неповторимо. Через изучение микроистории одного человека, членов одной семьи, рода, жителей отдельной деревни, группы людей можно прийти к пониманию особенностей коллективной памяти общества в целом, исторической памяти народа.

Однако история, зафиксированная в письме, перестает быть устной, становится документированным отпечатком памяти о прошлом, значимых датах и событиях. Поэтому книга З.Г. Сергейчик – не устная история («oral history»), рассказанная полешучкой, а история, превращенная в письменную («real write history»), не зазвучавшая память автора, а конгломерат судеб и жизненного опыта многих людей трех связанных между собой родов. В книге нет смещения в сторону устного слова. Отсюда особенность ее стиля как «повести судеб» вместо «повести голосов», характерной для «oral history».

Перед нами разворачиваются судьбы людей, которых называют советскими по роду воспринятых ими ценностей, среди которых одно из первых мест занимал патриотизм, и судьбы их потомков, живущих в постсоветскую эпоху, начавшуюся после распада Советского Союза. Одни остались в родных местах, других закрепил на родине долг перед престарелыми родителями, третьих повороты судьбы связали с разными городами, странами, континентами. И все это подается автором как вполне нормальное явление, если за ним стоит неиссякаемая любовь к малой родине вышедших в большой мир детей Полесья.

В литературных произведениях автору бывает важно показать человека в пограничной ситуации, в ситуации нравственного выбора, исканий, метаний и т. п.,

а для Зинаиды Сергейчик важно представить жизнь рода как она была и есть. Жизнь земляков подается ею как философское принятие ими судьбы, доставшейся от рождения. Ее герои просто живут, но живут по правде – как стержню личного жизнестроения. В роду Зинаиды Георгиевны не было выдающихся людей, исключительных героев, но также не было воров и злодеев. Его представителей обошли стороной волны репрессий, но не обошла война. У них не оказалось обманутых иллюзий и надежд; уникальность полешуков и своеобразного взгляда на мир Зинаиды Георгиевны показала через их растворенность в обыденности, в труде, в семье, в нормальном течении жизни, что и обернулось той типичностью, которую так стремятся «ухватить» в своих героях профессиональные писатели, но не всем это удается.

Тема большой и малой родины требует от писателей особо тонкого решения. Всегда есть опасность скатиться в ложную патетику, бездну банальности. Тогда за искренними чувствами поэта встает призрак художественного штампа, той дурной интертекстуальности, когда, например, за незамысловатыми сравнениями Китая и Беларуси, чешских прекрасных замков на фоне гор и родной белорусской хаты маячит известная песенная формула «Хороша страна Болгария, но Россия лучше всех», вполне уместная в собственном контексте. К сожалению, во многих современных стихотворениях нет того индивидуального художественного и эстетического посыла, что слышится в коласовском «Мой родны кут, як ты мне мілы...» или в лермонтовском «Люблю отчизну я, но странною любовью», труднопереводимых даже на близкородственные языки в силу присущей данным произведениям богатой национально и исторически отмеченной сетки смысловых нюансов. Ее отсутствие даже в хорошо сделанных стихотворениях, посвященных малой родине, превращает их в спекуляции на вечной теме, а лирических героев – в рупор банальных истин.

Стиль изложения у Зинаиды Георгиевны абсолютно книжный, но в этой книжности, временами напоминающей отчет с его характерными оборотами, присутствует лапидарность древних летописей, развернутость средневековых хроник, но также особая, синтаксически отмеченная сфокусированность времени, как в библейской главе 10 о потомстве сыновей Ноя, где перечисляется, кто кого родил и какие это имело последствия для земли, или в главе 11 о Вавилонской башне и потомках Сима. Он сменяется лирико-публицистическим в отступлениях, научным – во второй части «Как роду жить без свадеб?», но везде сквозь научность, лапидарность, формульность и даже речевые штампы все равно пробивается живой голос автора, думающего, размышляющего, спрашивающего, отвечающего: *«Сейчас восстанавливают дворцы магнатов, усадьбы шляхты, изучают их родословные. Я не против. С именами этих людей в белорусской истории многое связано. Но считаю, что история Беларуси не была однокорой. Для нее каждый род значим, в том числе и наш простой род Вашкевичей-Сергейчиков. <...> Нормальных людей, которые жалуют стариков, любят работать, учиться, растить детей. И неть. Точно знаю: мне песня помогла жить и радоваться жизни»* [1, с. 132].

Список литературы

1. Сергейчик, З. Г. Жизнь продолжается / З. Г. Сергейчик / под ред. Р. М. Ковалевой, Т. В. Лукьяновой. – Минск : Бестпринт, 2018. – 250 с.
2. Кабалевская, А. Семейная история [Электронный ресурс] / А. Кабалевская. – Режим доступа : <http://doc-talk.ru>. – Дата доступа : 10.03.2019.